

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕНЕССАНСНОГО ПАСТОРАЛЬНОГО ХРОНОТОПА И ПУТЕЙ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЙ МОДИФИКАЦИИ

К.филол.н. Алисеенко О. Н.

Украина, Днепр, Днепровский национальный университет имени Олеся Гончара, кафедра иностранных языков для социально-экономических специальностей.

DOI: https://doi.org/10.31435/rsglobal_wos/31082019/6660

ARTICLE INFO

Received: 10 June 2019

Accepted: 21 August 2019

Published: 31 August 2019

KEYWORDS

pastoral chronotop,
pastoral modality,
pastoral transtext,
fiction space,
fiction time,
topos, locus

ABSTRACT

The specific character of the Renaissance pastoral chronotop as well as the ways of its further modification has been under consideration in the article provided. It has been proved that semantic background of pastoral chronotop as the specific fiction time and space predominant to the Renaissance stage of pastoral transtext development encloses a number of significant determinants. The definite components are closely connected with the Renaissance interpretation of Plato by the Neoplatonists, i.e. the predominance of the spacial existence, the idea of the community, the tradition of the demythologization of the novel space, the relatedness of the Renaissance pastoral chronotop with the ethico-philosophical complex "Love-Beauty-Good" which has become classical.

Citation: Алисеенко О. Н. (2019) К Voprosu o Specifike Rennsantsnogo Pastoral'nogo Hronotopa i Putej Ego Dal'nejshej Modifikacii. *International Academy Journal Web of Scholar*. 8(38), Vol.2. doi: 10.31435/rsglobal_wos/31082019/6660

Copyright: © 2019 Алисеенко О. Н. This is an open-access article distributed under the terms of the **Creative Commons Attribution License (CC BY)**. The use, distribution or reproduction in other forums is permitted, provided the original author(s) or licensor are credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice. No use, distribution or reproduction is permitted which does not comply with these terms.

В число эстетических открытий эпохи Возрождения, как известно, помимо новой концепции человека, принципиального культурного антропоцентризма также входит художественное освоение пространства¹. В истории западноевропейского любовного пасторального романа XVI-XVII веков, жанра концептуального, проблемного, программно-философского, мифопоэтического, интеллектуального, связанного с философией Платона и неоплатоников, этот интерес к категории пространства в его различных вариантах², становится и семантически значимым, и жанрообразующим. В известном смысле ренессансная философия

¹ А.Шастель пишет: "Устремления Ренессанса в значительной мере обнаруживают потребность овладеть пространством и, если можно так выразиться, "проявить его"..."[1,74].

² Это и экзотическая первозданная природа "mundus'a novus'a", представшая перед путешественниками эпохи Великих географических открытий [2,107-120], это и вымышленное социально-природное пространство ренессансных утопий [3,11-15], и окультуренный "locus amoenus" пасторалистики [4], и идеализированное пространство "сельской жизни" [5,14-24], и особый топос "жизни в лесах" [6,153-161], и природная утопия "садов любви" [7,188-198], и идеал "ученого отшельничества"[8,111-116], это и новая поэтика лирического пейзажа [9]. Все это свидетельствует о стремлении ренессансной мысли к постижению пространства в его "разнообразии" (varietas). За этим интересом к пространству в искусстве и литературе стоит эпоха Великих географических открытий, раздвинувшиеся перед человеком новые горизонты и виды пространства, новый этико-натурфилософский подход к категории Природы в ее отношениях с человеком [10], осознании роли воздействия природной среды на человеческую личность [11], что реализовалось на социально-бытовом уровне в интересе к природному окружению города [12], к устройству виллы [13], в садово-парковой культуре [14] с ее тягой к "парадизам" [15] – вариантам декоративных фрагментов "земного рая". Интерес к пространству проявился и в науке XVII-XVIII веков, сформировав представления о нем (Ньютон, Лейбниц, Кант), какие несколько веков казались незбылемыми.

пространства в романной пасторали дана как своеобразный синтез трактовки разнообразных “топосов” и “локусов”, представленных и в жанре путешествий, и в ренессансно-рыцарском романе, и в пейзажной лирике, и в образах “садов любви” и т.д. Европейская пасторалистика, имеющая генетические античные корни, архитектуральные связи в варианте прототекста и интенциональной интертекстуальности “соревнования” с античной буколической эклогой³, выработала специфическую поэтику художественного пространства как “прелестного уголка”, неподвластного течению времени. В нем благость прекрасной окультуренной природы предстает как место обитания столь же “окультуренных” пастухов – влюбленных поэтов, играющих на разных музыкальных инструментах, рассуждающих о любви как философы, исповедующих своеобразный интеллектуальный гедонизм, разделяющих идею созерцательной жизни (*vita contemplative*) [17]. Ее, впрочем, не одобрил английский создатель пасторальных “Аркадий” Ф.Сидни [18], защищавший “*vita activa* и этатизм” [19,140], осудивший идею праздничного досуга в пасторально-пейзажном пространстве (в романах показана пагубность последствий для государства пасторального уединения-бездеятельности правителя). От “Аркадий”⁴ Ф.Сидни, чей пасторальный транстекст сложен, включает в себя полемику с континентальной пасторалистикой, в английской традиции формируется локус “загородной усадьбы” как пасторального пространства. Пасторальный “элитарный” топос, важнейший детерминант ренессансной пасторальной модальности, данный в темпоральности “вечной весны”, унаследованный от мифологемы “золотого века”, предстает как особое природное место, отдаленное, отграниченное и от города (горами, реками, непроходимыми лесами), и от всей непасторальной действительности. У Ф.Сидни, не столь обязанному прототексту “Аркадии” Саннадзаро [21,42-50] как другие пасторалисты этой эпохи, хотя он и использует (полемически) его название⁵, предстает страна Аркадия как античная топонимическая реальность, местность, имеющая и культурологическую метафорическую хтоничность. В рамках пасторальной страны находится изолированный топос-убежище ее правителя Базилиуса – “загородная усадьба”. Она станет доминировать и в дальнейшем развитии английской пасторальной транстекстуальности, обретя, правда, уже в творчестве сентименталистов более “демократический” статус поместного дома частного лица и позитивную оценку “сельского пространства” [15,80]. Идеал ренессансно-пасторального жизнеустройства содержал в себе утопическую мечту желаемой гуманистами экзистенции, в которой был бы особый, не совпадающий с жизненной реальностью, способ существовать, чувствовать, любить. В акронности пасторали проявляется та концепция времени, которую верно отметила И.Е.Данилова: “Ренессансное ощущение времени спрессовало в единый труднорасчленимый образ все три временных слоя: мечта о будущем, уже осуществленном в настоящем, люди Возрождения видели его в образах античного прошлого” [23,83], апеллируя к утопии “золотого века” как “этическому времени”. Если воспользоваться делением ренессансных утопий на “описательные” и “созидательные” [24], то пасторальные жанры⁶ могут быть отнесены к первому типу, являя собой некую литературно-культурную утопию⁷, где нет социальных институтов, хотя существует определенная социальная иерархия, особенно подчеркиваемая в маньеристических “Аркадиях” Ф.Сидни (правитель, его супруга, принцы, рыцари, поселяне и т.д.). В них исходная идилличность пасторального хронотопа, восходящая к буколке, все больше разрушается (бунт простолудинов в “Новой Аркадии”). “Модель счастливой жизни” предстает как утопия “перестройки” [27] и как некое “бегство” на лоно прекрасной природы от привычного мира социально-бытовых обязанностей, от низкого мира корысти, жестокости, себялюбия и т.д., в убежище, где есть

³ Жанровое определение “пастораль” принадлежит эпохе Возрождения [16,79].

⁴ О неоплатонизме Сидни пишет Дэвис [20,99-104].

⁵ Саннадзаро “Аркадией” называет местность около Неаполя, имея в виду нарицательный смысл этого наименования, Сидни – прямой, разворачивая действие на территории Эллады, создавая её “карту” [22].

⁶ Вопрос о соотношении “романа” и “утопии” достаточно дискуссионен, во многом из-за чрезмерно широкой трактовки “утопии” и “утопического”. См., например, Г.Морсон “Границы жанра. Антиутопия как пародистский жанр”//Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С.236; Рымарь Н.Т. Введение в теорию романа. Воронеж, 1989. С.31. Вероятно, путь Е.Шацкого, предпочитающего говорить не столько о жанре, сколько о специфике утопического настроения мышления, мотивов, более плодотворен [Шацкий Е.Утопия и традиция. М.,1990. С.107,126,148]. Возможно предложить термин “утопическая модальность” по аналогии с “пасторальной”.

⁷ Эта особенность будет подхвачена сентименталистским романом, как полагает Н.Т.Пахсарьян [25,45-53]. Элементы литературно-культурной утопии в пасторали отмечает и Т.В.Саськова [26].

“пасторальное общество – перевернутый образ трагического мира”, как выразился Ж.Женетт [28,135]. Это не гражданское состояние, а скорее состояние “метафизическое” [29,12]: социальность в пасторалистике Возрождения утопична-условна. В ее *locus’е amoenus’е* природа всегда “окультурена”, в пастушеских романах нет идеала “сельской жизни” (который, например, осмеян, французским писателем XVIII века Сорелем в романе “Экстравагантный пастух”), развитого в XVIII столетии, или романтического бегства в “дикую природу” XIXго. Герои пасторали, мало предающиеся чистому созерцанию, испытывают не столько эстетическое наслаждение от созерцания природных красот, с миром которых они сливаются, (это станет привилегией одиноких романтических героев)⁸, сколько чувству обретения желаемого жизнеустройства, относясь к природе как естественному жизненному пространству. Сентименталисты, видя в природе ценностное естественное начало в то же время эстетизируют ее, стремятся с нею слиться, что унаследуют и романтики (об этом много написано, не будем повторяться), стремящиеся через созерцание слиться с природой, чтобы преодолеть одиночество. В ренессансной пасторалистике реализована метафора гуманистической виллы⁹ как топоса духовного общения с единомышленниками среди “окультуренной” природы, вдали от шумной суеты города, с акцентацией влюбленности “пастухов” и их этико-философского интереса к проблемам Любви, Дружбы, Красоты. Природа пасторального локуса романов (не острова!) прекрасна, гармонична, она не всегда сельская, но всегда неурбанистическая, отделяя героев от привычной, хотя и не всегда осуждаемой, городской цивилизации, их резкая антитеза возникает в сентиментализме XVIIIв. Природа пасторального пейзажа, отнесенного к неанглийскому пространству (Древняя Греция у Ф.Сидни, Арденский лес у Т.Лоджа в “Розалинде”, Богемия у Р.Грина в “Пандосто”) чаще всего имеет некий собирательный реальный прототип европейской флоры и фауны, иногда соотнесенный с мифологической книжной образностью античной эклоги и буколики¹⁰, создавая транстекстуальный эффект классического “палимпсеста”. Значительно позднее такие английские романисты как Остен, А.Бронте, Лоренс, Гарди и др. пасторализованное место действия своих романов будут соотносить с реальной территорией Англии, прибегая к точным топонимам, разрушая искусственность “аркадийского мира”, созданного прототекстом “Аркадий” Сидни. Этой традиции демифологизации романного пространства привержена и А.Мёрдок (например, “Дикая роза”, “Приятное и Благое”¹¹), помещая действие в точно топонимизированную территорию Англии.

Ренессансный пасторальный роман, как полагают специалисты, создал особый пасторальный хронотоп, “воплощенный в образах вечной весны и Золотого века”, царящих в “праздничном” *locus’е amoenus’е*, природно-прекрасном и “окультуренном” [30;46,111-118]; хронотоп – важнейший компонент пасторальной модальности. Пасторалистика Возрождения создала этическую концептуальность, связанную “иконологией” [31] художественного пространства и времени, сформировала особый хронотоп “вечной весны”¹², царящей в “благом локусе”, восходящий к мифологеме “золотого века”, как уже отмечалось. Составляющие пасторальный хронотоп компоненты четко ценностно-ориентированы: это и “прекрасная природа”, и остановленное время, лишённое власти над человеком, ибо идеальное пространство всегда

⁸ “Байрон устами Чайльд-Гарольда говорит, что горы кажутся ему друзьями, а океан домом, что лес, пустыня, пещера и бурные волны - лучшее общество и что он готов променять, поэтов своей родины на поэмы природы, книги книг, написанной солнечным светом на морской гладе, так как он выражает самые сокровенные его чувства” [25,241].

⁹ В английской традиции её заменит топос “сельской усадьбы”, ставший центральным ядром жанра “поэмы о сельской усадьбе”, адаптированный романом Остен, А.Бронте, Гарди и др., который будет и у Мёрдок в “Колоколе” и “Дикой розе”, а в “Приятном и Благое” модифицируется в загородный дом, расположенный в сельской местности Дорсета.

¹⁰ Таков пейзаж роши, открывающий “Аркадию” Саннадзаро, где перечень пород деревьев соотносим с их литературными прототипами в античной буколической традицией, как выяснил Баткин [4а,160-161], полон аллюзий, обращенных к гуманистически-образованному читателю своим литературным подтекстом, а в “безподтекстовом” прочтении доступен рядовому читателю своей декоративной красотью.

¹¹ См. мою статью (О.А.) Проблема перевода, семантики и функции заглавия романа А.Мёрдок “The Nice and The Good”// Від Бароко до Постмодернізму. Збірник наукових праць. Вип.5. Дніпропетровськ,2002. С.218-224.

¹² В английской традиции в пасторальном хронотопе преобладает “благоприятное жаркое лето” (возможно, из-за влияния северного климата), хотя встречается (особенно в поэзии) весна – “неопасторальный май”, по выражению И.О.Шайтанова [31,63], а Н.Фрай говорит о “летнем видении жизни”, где господствует жизнелюбие [32,267-284].

внезапно. Природные пасторальные детали и приметы, генетически связанные с античной пратекстуальностью¹³, несут в себе архетипические смыслы: “прозрачная вода”¹⁴ как эквивалент материнского лона, как животворящее начало (у романтиков, как известно, это чаще “темная бездна вод”, таящая “угрожающие” силы, как и в характеристике “творения” в Ветхом Завете). Реализуется и архетип “леса” в его амбивалентной семантике благой “защиты” и внезапной “опасности” (например, в “Розалинде” Т.Лоджа, герои находят спасение в лесу, но там им грозит и опасность). Возникает и новая поэтика “рощи” – место отдыха на лоне природы (Саннадзаро, Сидни, Грин). Пасторальный локус наделяется своеобразной атрибутикой природных примет: тихие реки, прозрачные ручьи, зеленая трава, цветы, чаще всего розы, а в английской традиции и мох, и плющ, которые являются характерными приметами английской флоры усадебного пространства [31,19], пещера и т.п. Очень часто в пасторальном локусе присутствуют и рукотворные пространственные детали: фонтаны, сады, скульптуры, замки, гроты и др.¹⁵ Они как важные детерминанты “locus’а amoenus’a” “знаково” войдут в пасторальную модальность западноевропейской литературы, обретая разные варианты, семантику и функции: пасторальная модальность меняется, имеет и “вехи” (ренессансно-маньеристическая, сентименталистская, рокальная и т.д.), и варианты, сохраняя свое семантическое ядро, заключенное в хронотопе.

Пасторальный локус в XV-XVII вв. предполагает ансамблевый образ влюбленных “пастухов”, подчиненных тирании Амора, причастных культуре, музыке, поэзии. Вряд ли можно видеть в пасторали полную идилличность¹⁶, как полагает Л.М.Баткин [4а,159], так как мир чувств героев драматически напряжен, лишен гармонии, но сам хронотоп можно называть “идиллическим” (Бахтин). В пасторалистике возникает контраст между состоянием чувств героев и “locus’ом amoenus’ом”, который тоже войдет в состав пасторальной модальности любовно-психологического романа от Ф.Сидни до А.Бронте, Д.Остен, Д.Г.Лоренса, Т.Гарди, А.Мёрдок и др.

В пасторальном “социуме” семантически значима идея сообщества людей, “сборища”¹⁷, дружеской группы: это верные друзья-пастухи Ф.Сидни, подруги-пастушки в “Розалинде” Лоджа; возникают особые устойчивые “парные” образы влюбленных (в романе д’Юрфе “Астрея” предстает 55 вариантов любовных пар). В этой “парности” есть реализация платоновской идеи двух “половинок”. Герои-пастухи объединены общим стилем жизни в одном пространстве, где царит ренессансно-гедонистический досуг (беседы, прогулки, празднества и т.п.), духовными интересами и интеллектуальными занятиями. Приобщение к культуре, к творчеству – характерная черта пасторальных романских героев. Они реализовали “столь характерный для Ренессанса (и чуть-чуть эйфорический) идеал “homo uniuersale” [37,151], приобщаясь к поэзии, музыке, философии в “благом локусе”, где развивались их “истории любви” и дружбы. Отзвуки этих интересов будут ощутимы в занятиях героев “Желтого Крома” (1921) Хаксли, “Приятного и Благого” (1968) А.Мёрдок [38]. Нравственно-психологической доминантой в поведении героев, занятых искусством, спорами о Любви, исповедями, выступали антиаскетизм, индивидуализм, жизнелюбие, столь присущие ренессансно-гуманистическому сознанию [39,54].

Этико-философской основой пасторалистики был, как уже отмечалось, ренессансный неоплатонизм с акцентацией духовного идеала Любви-Красоты-Блага, жизнеутверждающе воспетых Фичино и Пико делла Мирандолой [40,146-151;39,321-322]. В ней были и отзвуки идеи спиритуалистической любви и мистики Красоты, разработанные в трактатах Бембо, Кастильоне,

¹³ Прежде всего к буколке, являющейся “первичным жанроопределяющим понятием” [16,79].

¹⁴ Архетипически вода скрывала в себе “первосущество” – буквально смысл имени греческого морского демона Протея, постоянно меняющего свой облик; христианский обряд погружения в воду – условие возрождения.

¹⁵ Ср. с романтическим пейзажем: с его дикими скалами, бурными потоками, штормовым морем, глубокими ущельями, бурями и ветрами [33,589]; элементы такой пейзажистики есть в “Единороге” А.Мёрдок, что доказывает плюралистический характер транстекстуальности ее романов. В отличие от постмодернизма разные поэтики пейзажа не смешаны в одном произведении, а “распределены” между романами, выполняя соответствующие общей их атмосфере семантические функции (“готтицизм”, “пасторальность”).

¹⁶ Это не исключает роли исходной жанровой формы идиллии-эклоги для романной пасторалистики Возрождения, но она подверглась трансформации, что подтверждает динамичный характер пасторальной модальности.

¹⁷ Локальные гуманистические сообщества были и в странах Северного Возрождения, в том числе и в Англии [34,45]. Пасторальная экзистенция “сообщества” была метафорой ренессансных идеалов гуманистов, претворенных в реальной жизни в форме кружков, академий [35,71-76]; “Флорентинская” красочно описана Ф.Монье [36,267-326].

Эбрео. Идеи последних ввели в пасторалистику элементы “христианского гуманизма”, а гуманистический культ “разнообразия” преломился как в описаниях природы, так и в поэтике “вариантов” любовных историй [41,212-224]. Они вводились как автономные вставки в романский текст, что создавало полиструктурное образование и экстенсивный принцип развертывания повествования, который в дальнейшем был полностью преодолен, хотя рудименты его и остались (например, в “Приятном и Благом” есть лаконичные “предыстории”-“истории” прошлой любви героев). Мифологемы “золотого века”, “райского сада”, имеющие древние архетипы, сочетались с “садами любви”, связанными с куртуазно-аллегорической традицией “Романа о Розе”.

Семантическое поле пасторального хронотопа как особого художественного времени-пространства, присущее ренессансной стадии развития пасторального транстекста, включает в себя ряд важных детерминант. Сюда входит определенный круг компонентов, связанных с возрожденческой интерпретацией Платона неоплатониками. Это, во-первых, преобладание пространственного, формирующего особый пасторальный локус, существования, восходящего к Платону¹⁸, “утверждающего себя в борьбе с гераклитовским темпорализмом” [43,38], хотя и признающего становление “временности” (отсюда пасторальная ахронность, где есть движение природного времени дня и ночи). Во-вторых, ренессансный пасторальный хронотоп соотнесен со ставшим классическим этико-философским комплексом – “Любовь-Красота-Благо”, создающем идейно-проблемный уровень “пастушеского романа”. В нем возникло обязательное соотношение “Iocus’a amoenus’a” с ансамблевым образом “пастухов”, скрепленных Любовью, Дружбой, общим стилем жизни в природном оазисе, где личность освобождается от обычных социальных связей и обязанностей, погружена в искусство и любовь, которая расценивается как высшее Благо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chastel A. Le mythe de la Renaissance.1422-1520. - Geneve,1969.
2. Харитонович Д.Э. Mundus novus: первозданная природа глазами человека эпохи Возрождения//Природа в культуре Возрождения./Отв. ред. Л.С.Чиколини. - М.: Наука,1992. -С.107-120.
3. а) Штекли Э.А. Природа в “Утопии”//Природа в культуре Возрождения. /Отв. ред. Л.С.Чиколини. - М.: Наука,1992. - С.11-55; б) Чаколини Л.С. Природа в итальянских утопиях позднего Возрождения. Там же. - С62-79; в) Eliav-Feldon M. Realistic Utopias. The Ideal Imaginary Societies of the Renaissance. 1516-1630. - Oxford,1982. – 272p.
4. а) Баткин Л.М. Мотив “разнообразия” в “Аркадии” Саннадзаро и новый культурный смысл античного жанра//Античное наследие в культуре Возрождения. - М.: Наука,1984. - С.159-171; б) Потёмкина Л.Я. О системе поэтики западноевропейского пасторального романа//Системность литературного процесса. - Днепропетровск: Изд-во ДГУ,1987. - С.111-118.
5. Брагина Л.М. Идеал сельской жизни в итальянском гуманизме XV века//Природа в культуре Возрождения. - М.: Наука,1992. - С.14-24.
6. Дмитриева М.Э. Германская идиллия: Мотив “жизнь в лесах” в искусстве немецкого Возрождения//Природа в культуре Возрождения. - М.: Наука,1992. - С.153-161.
7. Соколов М.Н. “Природная утопия” XVI-XVIIвв. – к иконографии “Садов Любви”//Природа в культуре Возрождения. - М.: Наука,1992. - С.188-198.
8. Немилов А.Н. Идеал “ученого отшельничества” у немецких гуманистов//Античное наследие в культуре Возрождения. - М.: Наука,1984. - С.111-116.
9. а) Turner R. The Vizion of Landscape in Renaissance Italy. - Princeton,1973. – 487p.; б) Елина Н.Г. Пейзаж в итальянской лирике Возрождения//Природа в культуре Возрождения. - М.: Наука,1992. - С.80-99.
10. а) Баткин Л.М. Ренессансный миф о человеке//Вопросы лит-ры. - 1976. - №9. - С.112-133; б) Горфункель А.Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. - М.: Наука,1977. - 364с.
11. Chastel A. La theorie de milieu a la Renaissance./L’Umo e il suo ambiente./A cure di S.Rosso. - Firenze,1973. – 277p.
12. Waley D. The Italian-City-republics. - L.,1969.
13. Masson G. Italian Villas and Palaces. - L.,1966.
14. а) Wharton E. Italian Villas and their Gardens. - N.Y.,1976. – 272p.; б) Лихачёв Д.С. Поэтика садов: к семантике садово-парковой культуры. - Л.: ЛГУ,1982. - 343с.
15. Vetter E.M. Das Frankfurter Paradiesgartlein//Heidelberger Jahrbucher,1965. - Bd.9. - P.102-146.

¹⁸ Следует напомнить о пасторализации в “Федре” космического локуса, где образно просвечивается изначальный смысл двузначного слова “космос” – “порядок” и “украшение мира”, т.е. “нарядный порядок” [42,283], он – в природной красе рощ, ручьев, цветов и т.д.

16. Забабурова Н.В. Соотношение понятий “буколика”, “пастораль”, “идиллия” в эстетике и художественной практике А.С.Пушкина//Пастораль в системе культуры: Метаморфозы жанра в диалоге со временем. - М.: РИЦ “Альфа” МГОПУ,1999. - С.79-89.
17. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: Стиль жизни, стиль мышления. - М.: Наука,1978. - 198с.
18. Никифорова Л.Р. Формирование поэтики маньеризма в “Аркадиях” Ф.Сидни//Проблемы становления и развития зарубежного романа от Возрождения к Просвещению./Отв. ред. Л.Я.Потёмкина. - Днепропетровск: Изд-во ДГУ,1980. - С.20-30.
19. Coe M. R.Sir Philip Sidney: Rebellion in “Arcadia”. - New Jersey: Rutgers Univ. Press,1979. – 230p.
20. Davis W.R. Idea and Art in Elizabethan Fiction. – Princeton, New Jersey: Prin. Univ.Press, 1969. – 301p.
21. Hamilton A.C. Sir Philip Sidney: A Study of his Life and Work. – Camb. Univ.press,1977. – 216p.
22. Davis W.R. A Map of Arcadia: Sidney’s Romance in its Tradition//Sidney’s “Arcadia”. - New Haven. - L.: Yale Univ. Press,1965. –183p.
23. Данилова И.Е. Искусство средних веков и Возрождения. - М.: Сов.художник,1984. - 271с.
24. Kytzler B. Utopisches Denken und Handeln in der Klassischen Antike//Der Utopische Roman. - Darmstadt,1973. – P.121-144.
25. Пахсарьян Н.Т. Сентименталистский роман как литературно-культурная утопия//Литература в системе культуры. Материалы научн. семинара. - М.: МГОПИ,1997. - Вып.1. - С.45-53.
26. Саськова Т.В. Жанровая природа пасторали в историко-культурном осмыслении//Литература в системе культуры. - М.: МГОПУ,1997. - Вып.1. – С.22-33.
27. Mumford C. The Story of Utopias. - N.Y.,1962.
28. Женетт Ж. Змей в пастушеском раю//Ж.Женетт Фигуры. - В 2х томах. - М.: Изд-во им. Сабашниковых,1998. - Т.1. - С.132-142.
29. Ehrmann J. Un paradis desespere et l’Illusion dans “l’Astree”. - P.: New Haven, 1963. –168p.
30. а) Jehenson M.Y. The Golden World of Pastoral: A Comparative Study of Sidney’s “New Arcadia” and d’Urfe’s “l’Astree”. – Ravenne: Longo Editore,1984. – 163p.; б) Le genre pastoral en Europe du XVe au XVIIe siecle. Acte de colloque. Public de l’Universite de Saint -Etienne,1980.
31. Шайтанов И.О. Пастораль в системе литературных жанров//И.О.Шайтанов Мыслящая муза. “Открытие природы” в поэзии XVIII века. - М.: Прометей,1989. - С.47-93.
32. Fraye N. The Realistic Oreole: A Study of Wallace Stevens//Modern Poetry: Essays in Criticism. - Oxford,1968. - P.267-286.
33. “Беседа с Леви-Стросом Жоржа Шарбонье”//Рюс.Ж. Поступ сучасних ідей. Панорама новітньої науки. – К.: Основи,1998. – С.588-590.
34. Немилов А.Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения (типология и периодизация)//Типология и периодизация культуры Возрождения./Под. ред. В.И.Рутенбурге. - М.: Наука,1978. - С.39-51.
35. Кудрявцев О.Ф. Гуманистические академики итальянского Возрождения//Культура Возрождения и общество./Отв.ред. В.И.Рутенбург. - М.: Наука,1986. - С.71-76.
36. Монье Ф. Опыт литературной истории Италии XV века. Квайтроченто. - СПб.,1904. – 215с.
37. Аверинцев С.С. Античный риторический идеал и культура Возрождения//Античное наследие в культуре Возрождения/Отв.ред.В.И.Рутенбург.-М.: Наука,1984.- С.142-154.
38. Murdoch I. The Nice and The Good. – G.V.: Chatto&Windus, 1968.-362p.
39. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль,1978. – 623с.
40. История эстетической мысли./Под.ред М.Ф.Овсянникова.-В 6-ти тт. - М.: Искусство,1985. - Т.2. - 456с.
41. Андреев М.Л. Рыцарский роман в эпоху Возрождения. - М.: Наследие, Наука,1993. – 256с.
42. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (Общие замечания)//Античность и Византия./Отв. ред. Л.А.Фрейберг. – М.: Наука, 1975. – С.266-285.
43. Зенкин С. Преодоленное головокружение: Жерар Женетт и судьба структурализма//Ж.Женетт Фигуры. В 2х томах. - М.: Изд-во им. Сабашниковых,1998. - Т.1. - С.5-56.